

ведью к патриарху, что она и делает. Патриарх Григорий не открывается своей матери и заковывает ее уста железом, сказав, что оно спадет тогда, когда грехи ее простятся. Мать после этого идет в пустыню, проводит там семнадцать лет, вымаливает себе прощение, и оковы отваливаются. Все эти подробности покаяния матери, отсутствующие в других редакциях повести, могли быть навеяны очень распространенными легендами о кающемся разбойнике, но скорее всего книжной повестью об Андрее Критском, где также идет речь о трехкратном хождении грешника Андрея к священникам, затем к архиепископу, который назначает Андрею Критскому покаяние, а матери его прорезывает ноздри и замыкает их замком, бросив ключ в море, пообещав ей отпущение грехов тогда, когда ключ выйдет из моря.

Что касается отца Григория, то он, как и в редакции списка Типографской библиотеки, не умирает вскоре после рождения сына, а, отправившись в пустыню, проводит там двадцать лет. Когда он идет каяться к иеромонаху, тот обещает ему разрешение от греха тогда, когда черные овцы (которых он, очевидно, должен был пасти) сделаются белыми, когда бездонный чан наполнится водой и когда, наконец, из соснового пня вырастет береза. Все это совершается после следующего случая. Однажды отец Григория приходит в церковь, на паперти которой находит гроб с телом мертвой девицы. Вскоре является туда пастух и совершает блуд с мертвой девушкой, которую он безуспешно стремился соблазнить при ее жизни, а затем, оставив тело на полу, удаляется. Кающийся грешник после этого, положив тело в гроб, отправляется к реке, обмывает в ней тело, гроб и платье умершей и вновь устанавливает гроб на церковной паперти. Вернувшись в пустыню, он видит, что черные овцы стали белыми, чан наполнился водой и из соснового пня выросла береза «велми кудрява». Иеромонах прощает ему его грех, он постригается в обители, становится в ней игуменом, живет там в молитвах еще девять лет и умирает «во святых». На этом повесть оканчивается.

Здесь уже вполне очевидно влияние легенды о кающемся разбойнике. Особенно популярен в этих легендах мотив о превращении черных овец в белых. Что касается мотива о наполнении водой бездонного чана, то это, нужно думать, отдаленный отзвук античного мифа о данаидах, осужденных в Тартаре наполнять водой бездонную бочку. Мотив о березе, вырастающей из соснового пня, также, видимо, вариация известного апокрифического мотива о прорастающей головне, популярного и в легенде о кающемся разбойнике. Грешник получает прощение за то, что обмывает и кладет в гроб поруганное мертвое тело. В одном из вариантов легенды о панщине разбойнику отпускаются его грехи тогда, когда он в порыве негодования убивает человека, надругавшегося над мертвецами, тыкающего палкой у могилы и созывающего мертвецов на барщину.¹³

Любопытна стилистическая подробность, сближающая эту редакцию повести с изданной нами в ИОРЯС (т. XIX, 1914, кн. 4): перед вступлением в брак царица собирает «всех персон и фелмаршалов и ковалеров» и вручает Григорию царский скипетр. Эта подробность определяет время возникновения данной редакции (Петровская эпоха).

Список не отличается исправностью: в нем попадаются испорченные места, а порой, видимо, и пропуски в тексте.

Все тексты публикуются с соблюдением фонетических и морфологических особенностей списков, но без точного соблюдения их орфографии.

¹³ Ср.: Ю. А. Яворский. Очерки по истории народной словесности, I. Легенда о панщине. Львов, 1901, стр. 8.